

УДК 378.09

**ФЕНОМЕН «КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗРЕНИЯ»
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

Акименко Г. В.

канд. ист. наук, доцент кафедры клинической психологии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России,

Россия, г. Кемерово

Яковлев А. С.

ассистент кафедры психиатрии и наркологии

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет»

Минздрава России,

Россия, г. Кемерово

Аннотация. В период пандемии COVID-19 теории заговора стали предметом активного обсуждения в средствах массовой информации. Конспирологические версии о происхождении или безвредности вызывающего его коронавируса возникли в связи с глобальной пандемией COVID-19. Кризисы, как правило, способствуют актуализации проявления феномена конспирологического менталитета, который способствует распространению теорий заговора, поскольку они могут удовлетворить потребность человека в объяснении, безопасности и контроле. В период последней пандемии проблема заключалась в том, что согласие с такими идеями коррелировало с низким соблюдением мер по снижению заражения, а также с эгоцентричным уходом за собой. В статье проводится анализ феномена распространения различных конспирологических теорий во время пандемии коронавируса. Авторами исследуются механизмы влияния на общественное сознание ложных установок о причинах и последствиях пандемии COVID-19. Результаты исследований, проведенных в период пандемии, свидетельствуют о том, что вера в теорию заговора привела к

снижению уровня доверия к официальным институтам и, как следствие, социальной активности населения. Это подтверждает гипотезу о том, что конспирологические теории в условиях распространения SARS-CoV-2 имели серьёзные последствия как для общества в целом, так и для человека в частности. **Ключевые слова:** теории заговора, конспирологические теории, пандемия, COVID-19, SARS-CoV-2, коронавирус, инфодемия, фейк, популизм.

***THE PHENOMENON OF «CONSPIRACY MENTALITY»
DURING THE COVID-19 PANDEMIC***

Akimenko G. V.

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor of the Department of Clinical Psychology,

Kemerovo State Medical University,

Russia, Kemerovo

Yakovlev A. S.

Assistant of the Department of Psychiatry and Narcology,

Kemerovo State Medical University,

Russia, Kemerovo.

Abstract. During the COVID-19 pandemic, conspiracy theories have become a topic of active discussion in the media. Conspiracy theories about the origin or harmlessness of the coronavirus that causes it have emerged in connection with the global COVID-19 pandemic. Crises, as a rule, contribute to the actualization of the phenomenon of conspiracy mentality, which contributes to the spread of conspiracy theories, since they can satisfy a person's need for explanation, security, and control. During the last pandemic, the problem was that agreement with such ideas correlated with low compliance with measures to reduce infection, as well as with egocentric self-care. The article analyzes the phenomenon of the spread of various conspiracy theories during the coronavirus pandemic. The authors examine the mechanisms of influence on public

consciousness of false attitudes about the causes and consequences of the COVID-19 pandemic. The results of studies conducted during the pandemic indicate that belief in conspiracy theories led to a decrease in the level of trust in official institutions and, as a result, the social activity of the population. This supports the hypothesis that conspiracy theories in the context of the spread of SARS-CoV-2 had serious consequences for both society as a whole and for individuals in particular.

Keywords: conspiracy theories, conspiracy theories, pandemic, COVID-19, SARS-CoV-2, coronavirus, fear, infodemic, fake.

В последние месяцы 2019 года в связи с событиями в китайской провинции Ухань информация о здоровье стала главной темой для обсуждения и беспокойства людей по всему миру. Пандемия, вызванная новым коронавирусом, заняла доминирующее место в повестке дня самых разных средств массовой информации, отодвинув на второй план многие другие проблемы.

В периоды масштабных кризисных явлений, таких как стихийные бедствия, террористические акты или эпидемии, люди в поисках информации и ориентиров для принятия решений, как правило, обращаются к СМИ. В таких ситуациях влияние медиа усиливается, что не редко приводит к распространению фейков и «теорий заговора».

Неудивительно, что вера в теории заговора процветала с самого начала пандемии COVID-19, а дезинформация распространялась с поразительной скоростью. Интересно отметить, что подобные явления наблюдались и во время пандемии испанского гриппа 1918–1919 годов, а также во время вспышки H1N1 в 2009 году [1].

Пандемия COVID-19 стала катализатором распространения фейков и различных конспирологических теорий. В исследовании, опубликованном Государственным департаментом США в «The Washington Post», в частности сообщалось, что в течение трёх недель после начала распространения Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

коронавируса за пределы Китая около двух миллионов твитов содержали «теории заговора» о COVID-19. Среди наиболее распространённых сообщений были те, в которых вирус представлялся как «биологическое оружие». Эти и другие ложные слухи составили около 7% от общего числа изученных твитов и были охарактеризованы как «потенциально способные оказать воздействие на широкую аудиторию в социальных сетях» [6].

Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебрейесус уже в первые месяцы пандемии предупредил, что распространение дезинформации во время пандемии приобретает масштабы «инфодемии», подпитывается различными формами искажённой информации, принимающей форму теорий заговора или фейковых новостей [15].

Согласно словарному определению, теория заговора — это «теория, которая отвергает стандартное объяснение какого-либо события и вместо этого приписывает осуществление тайного заговора какой-либо скрытой группе или организации» [10].

В рамках данного исследования мы также обратимся к понятию теории заговора, опираясь на определение, предложенное А. Фрименом (2020). Согласно этому определению, теории заговора возникают на основе четырёх предположений:

1. Реальность отличается от того, как она воспринимается.
2. Истина скрывается могущественными субъектами.
3. Эти убеждения принимаются лишь меньшинством людей.
4. Эти убеждения не могут быть подтверждены научными доказательствами [17].

Конспирологические теории можно определить как «попытки объяснить конечные причины значимых социальных и политических событий и обстоятельств с утверждениями о тайных заговорах двух или более влиятельных лиц» [13, 16]. В современной научной литературе было высказано предположение, что данный феномен является ответом на психологические

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

потребности человека и может представлять собой попытки понять сложные, иначе труднообъяснимые и предсказуемые угрожающие ситуации.

В некоторой степени эта угроза была предсказана много лет назад. В 2013 году на Всемирном экономическом форуме был поднят вопрос о существовании феномена массовой цифровой дезинформации, распространение которой через социальные сети в обозримом будущем может стать одной из наиболее значимых угроз для мирового сообщества, причём в самых разнообразных аспектах [2].

Теории заговора присутствуют не только в политической жизни. Установлено, что по меньшей мере 49% населения, живущего в современном обществе, согласны по крайней мере с одним медицинским заговором, а 18% верят в три или более [7].

В данной статье мы рассмотрим концепцию дезинформации как инструмент анализа широкого спектра явлений, начиная от спама и заканчивая фейковыми новостями. Под дезинформацией мы будем понимать совокупность ложных или неточных сведений, распространяемых через социальные сети.

Теории заговора и вводящие в заблуждение слухи, соответствующие этим критериям, получили широкое распространение через онлайн-платформы, включая социальные сети, видеохостинги и мессенджеры. В 2020-2021 годы спекуляции о причинах, лечении и развитии пандемии быстро распространялись, вызывая путаницу и потенциально опасное поведение населения.

Люди, позиционирующие себя как эксперты, взаимодействовали через социальные сети и веб-сайты, предоставляя информацию о заболевании. Они могли утверждать, что COVID-19 не вызывает серьёзных симптомов и, следовательно, не представляет опасности для здоровья, или же раскрывать пугающие факты, которые профессиональные СМИ якобы пытались скрыть [8]. Для людей, склонных к конспирологическому мышлению, подобные сообщения служили подтверждением их предположений. Вызывает тревогу тот факт, что медицинский конспирационизм и в настоящее время тесно коррелирует с

растущим интересом к альтернативной медицине и отказом от традиционных методов лечения.

Показательно, что с точки зрения Галлифорда и Фернхэма, вера в политические заговоры тесно связана с убеждённой в существовании медицинских [5]. В условиях распространения COVID-19 по всему миру получили распространение теории заговора, представляющие собой объяснения событий, основанные на тайных, злонамеренных сговорах власть имущих. Эти теории, как правило, были сфокусированы либо на причинах происхождения вируса или на местной и национальной реакции на пандемию.

В современных условиях в социальных сетях фиксируются фейки самого различного характера, включая непроверенные слухи, сплетни, непроверенные и недостоверные новости, а также намеренно сфабрикованный контент и, актуальные «теории заговора».

В целом, онлайн-конспирологические убеждения относительно COVID-19 можно рассматривать как «вспышку» в потоке противоречивой информации, дезинформации и манипулируемых данных в социальных сетях. Негативные последствия дезинформации широко известны. Среди них - сдерживание эффективных профилактических мер в период пандемии и снижение осведомлённости людей о степени вредоносности вирусов и заболеваний.

В условиях неопределённости, когда пандемия COVID-19 на протяжении многих месяцев оказывала негативное воздействие на все аспекты мировой социальной и политической жизни. В сложившихся условиях, изначально чётко обозначенный кризис общественного здравоохранения в социуме начал восприниматься сквозь призму другого актуального явления – популизма [3].

Взаимосвязь между «кризисом» и «популизмом» была и остаётся одной из ключевых тем в социально-политических дискуссиях с начала XX века. Показательно, что в этом контексте «кризисные» периоды не только воспринимались как наиболее подходящие моменты для появления и усиления популистских лидеров, но и способствовали углублению социального и

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

политического раскола, а также стимулировали появление распространение риторики, которая разделяла общество и усиливала напряжённость между различными группами: «народом» и «элитой», правителями и управляемыми, системой и обычными гражданами [11, 12].

В условиях рецессии «популисты», как правило, используют в своих выступлениях выражения того же самого кризиса. Они объединяют и выражают обиды, разочарования многих людей, тем самым привлекая внимание широких слоёв общества к актуальной проблеме, обвиняя «равнодушные элиты» в том, что те якобы являются причиной тяжелой сложившейся ситуации. И в этом процессе ключевую роль вновь отводится средствам массовой информации [9, 13, 14].

В то время как традиционные СМИ пытались адаптировать свои функции и цели к быстро меняющимся условиям пандемии, социальные сети и «альтернативные новости в интернете» предлагали иной подход к освещению событий в дискурсе «теории заговора». При этом даже если не брать в расчёт потенциально опасные «фейковые новости», эти платформы как правило публиковали материалы с ярко выраженной критикой, даже антисистемной направленностью, противопоставляя свою позицию взглядам официальных СМИ.

Ряд исследователей отмечает усиление пандемического популизма, который в рассматриваемый период привёл к формированию противоречивого, угрожающего и недоверчивого восприятия мира [15]. В этой связи академические исследования предприняли попытку проанализировать коммуникационные аномалии, возникшие в контексте пандемии, и выявить общие тенденции пандемического популизма. Показательно, что социальные медиа платформы являлись основным источником распространения ложной информации о здоровье.

Понимая масштабы инфодемии, которая сопровождает пандемию COVID-19, Всемирная организация здравоохранения инициировала проведение Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

краудсорсинговых консультаций с целью поиска эффективных способов решения данной проблемы.

В ходе этих консультаций была предложена концепция «информационного пирога», согласно которой инфодемия рассматривается как явление, проявляющееся на четырёх уровнях: научном, политическом и практическом, а также в средствах массовой информации и социальных сетях. Опираясь на данную концепцию, ВОЗ определила четыре ключевых направления в управлении инфодемией:

1. Обеспечение корректного распространения актуальной информации.
2. Уточнение и проверка фактов.
3. Повышение уровня грамотности в области электронного здравоохранения (eHL).
4. Мониторинг ситуации.

Таким образом, распространение теорий заговора и дезинформации может привести к тому, что многие члены общества отказывались от рациональных мер, которые, как известно, снижали риск заражения и помогали бороться с пандемией. Однако для многих было непросто отличить научно обоснованные рекомендации от потока фейковых новостей и дезинформации. Объяснимо, что в подавляющем большинстве исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, подчёркиваются негативные индивидуальные и социальные последствия поддержки конспирологических теорий, так как вера в теории заговора подрывала просоциальное поведение и доверие к властям.

Однако потенциально возможны и положительные последствия веры в фейки для отдельных людей (например, удовлетворение их потребностей). Ван Проойен (2022) перечислил потенциальные психологические преимущества, связанные с конспирологическим мировоззрением: защита эго, помощь в рационализации поведения и развлечение [16]. Несмотря на скептицизм, который часто выражают исследователи в отношении возможности

удовлетворения потребностей в результате поддержки теорий заговора, для решения этой проблемы необходимы дальнейшие исследования.

Библиографический список:

1. Акименко, Г. В., Селедцов, А. М., Кирина, Ю. Ю. Коронавирус и кризисные ситуации с позиции психологии // Дневник науки. - 2020. - №7 (43).
2. Селедцов А.М., Кирина Ю.Ю., Акименко Г.В. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии // Дневник науки. - 2020. - № 8 (44). - С. 10.
3. Albertazzi, D., & McDonnell, D. (2008). Introduction: The sceptre and the spectre. In D. Albertazzi & D. McDonnell (Eds.), *Twenty-first century populism: The spectre of western European democracy* (pp. 1–11). Palgrave.
4. Allington, D., Duffy, B., Wessely, S., Dhavan, N., & Rubin, J. (2021). Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the covid-19 public health emergency. *Psychological Medicine*, 51(10), 1763–1769. <https://doi.org/10.1017/S003329172000224X> DOI : 10.1017/S003329172000224X
5. Anspach, N. M., & Carlson, T. N. (2020). What to believe? Social media commentary and belief in misinformation. *Political Behavior*, 42, 697–718. <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9515-z> DOI : 10.1007/s11109-018-9515-z
6. Barua, Z., Barua, S., Aktar, S., Kabir, N., & Li, M. (2020). Effects of misinformation on covid-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation. *Progress in Disaster Science*, 8, 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2020.100119> DOI : 10.1016/j.pdisas.2020.100119
7. Bennett, W. L., & Manheim, J. B. (2006). The one-step flow of communication. *Annals of the American Academy of Political & Social Science*, 608(1), 213–232. <https://doi.org/10.1177/0002716206292266> DOI : 10.1177/0002716206292266
8. Boberg, S., Quandt, T., Schatto-Eckrodt, T., & Frischlich, L. (2020). Pandemic populism: Facebook pages of alternative news media and the corona crisis -

A computational content analysis [Working paper]. Muenster Online Research (MOR).
<https://arxiv.org/pdf/2004.02566.pdf>

9. Canovan, M. (2002). Taking politics to the people: Populism as the ideology of democracy. In Y. Mény & Y. Surel (Eds.), *Democracies and the populist challenge* (pp. 25–44). Palgrave.

10. Chen, X., Sin, S. C. J., Theng, Y. L., & Lee, C. S. (2015). Why students share misinformation on social media: Motivation, gender, and study-level differences. *The Journal of Academic Librarianship*, 41(5), 583–592.
<https://doi.org/10.1016/j.acalib.2015.07.003> DOI : 10.1016/j.acalib.2015.07.003

11. Craft, S., Ashley, S., & Maksl, A. (2017). News media literacy and conspiracy theory endorsement. *Communication and the Public*, 2(4), 388–401.
<https://doi.org/10.1177%2F2057047317725539>

12. Douglas, K. M., & Sutton, R. M. (2008). The hidden impact of conspiracy theories: Perceived and actual influence of theories surrounding the death of Princess Diana. *The Journal of Social Psychology*, 148, 210–222.
<https://doi.org/10.3200/SOCP.148.2.210-222> DOI : 10.3200/SOCP.148.2.210-222

13. Krämer, B. (2014). Media populism: A conceptual clarification and some theses on its effects. *Communication Theory*, 24, 42–60.
<https://doi.org/10.1111/comt.12029> DOI : 10.1111/comt.12029

14. Kriesi, H. (2014). The populist challenge. *West European Politics*, 37(2), 361–378. <https://doi.org/10.1080/01402382.2014.887879> DOI : 10.1080/01402382.2014.887879

15. Nielsen, R. K., Fletcher, R., Newman, N., Brennen, J. S., & Howard, P. N. (2020). Navigating the ‘infodemic’: How people in six countries access and rate news and information about coronavirus. Reuters Institute for the Study of Journalism.

16. Ravindran, T., Yeow Kuan, A. C., & Hoe Lian, D. G. (2014). Antecedents and effects of social network fatigue. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 65(11), 2306–2320. <https://doi.org/10.1002/asi.23122>

17. Wu, L., Morstatter, F., Carley, K. M., & Liu, H. (2019). Misinformation in social media: Definition, manipulation, and detection. SIGKDD Explorations, 21, 80–90. <https://doi.org/10.1145/3373464.3373475> DOI : 10.1145/3373464.3373475

Оригинальность 77%